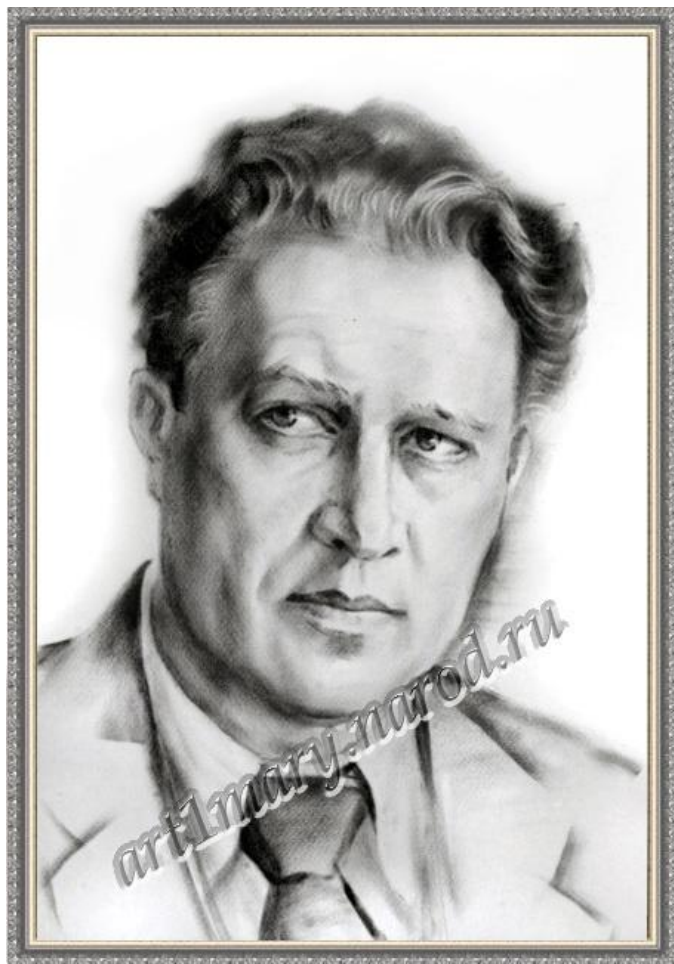

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Выполнила: Рыбина Кристина.

Куратор : Емельянова С. В.

Музыка Б. Мокроусова Стихи А. Жарова

ПЕСНЯ УЖЕ ОТМЕТИЛА СВОЙ СОРОКАЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ, А К ОДНОМУ ИЗ АВТОРОВ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЖАРОВУ ВПЛОТЬ ДО ЕГО НЕДАВНЕЙ КОНЧИНЫ ВСЕ ШЛИ И ШЛИ ПИСЬМА ОТ ТЕХ, КТО ПОДВИГОМ СВОИМ ВЫЗВАЛ «ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ» К ЖИЗНИ.

ПОНАЧАЛУ ПЕСНЯ БЫЛА НАЗВАНА АВТОРАМИ «ЧЕРНОМОРСКОЙ ЛЕГЕНДОЙ». ЛЕГЕНДОЙ ПОТОМУ, ЧТО В ОСНОВЕ СЮЖЕТА ЛЕЖИТ РАССКАЗ О ЗАЩИТНИКЕ СЕВАСТОПОЛЯ, КОТОРЫЙ ПОКИДАЯ ГОРОД, ОСТАВЛЕННЫЙ 9 ИЮЛЯ 1942 ГОДА ПО ПРИКАЗУ КОМАНДОВАНИЯ, УНЕС С СОБОЙ КУСОК ГРАНИТА ОТ РАЗРУШЕННОЙ СНАРЯДАМИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ И ПОКЛЯЛСЯ, ЧТО КАМЕНЬ ВЕРНЕТСЯ В РОДНОЙ ГОРОД. МАТРОС БЫЛ СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН И ПЕРЕДАЛ, УМИРАЯ, КАМЕНЬ ДРУГОМУ ВОИНУ-САПЕРУ, ПОТОМ КУСОК СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГРАНИТА ПОПАЛ К РАЗВЕДЧИКУ. ОН ПЕРЕХОДИЛ ИЗ РУК В РУКИ С КЛЯТВОЙ ВЕРНУТЬСЯ...

ЛЕГЕНДАРНОЙ, БЕСПРИМЕРНОЙ ПО МУЖЕСТВУ БЫЛА И САМА ДВУХСОТПЯТИ-ДЕСЯТИДНЕВНАЯ ЭПОПЕЯ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Задумана была песня о героях-черноморцах еще в июле 1941 года в Севастополе, во время сильной бомбежки, которую военный поэт Александр Жаров и композитор Борис Мокроусов, с первых дней Великой Отечественной войны командированный в распоряжение политуправления Черноморского флота, пережидали неподалеку от Графской пристани.

— Под грохот и вой снарядов, в укрытии скалы,— рассказывал Александр Алексеевич Жаров,— мы думали, какой она будет, наша песня. «Знаешь,— говорил Борис,— она должна быть очень русская, очень широкая, сдержанно-торжественная, как баллада. Могучая...». Тогда сложились первые строки песни:

*Холодные волны вздымает
лавиной
Широкое Черное море...*

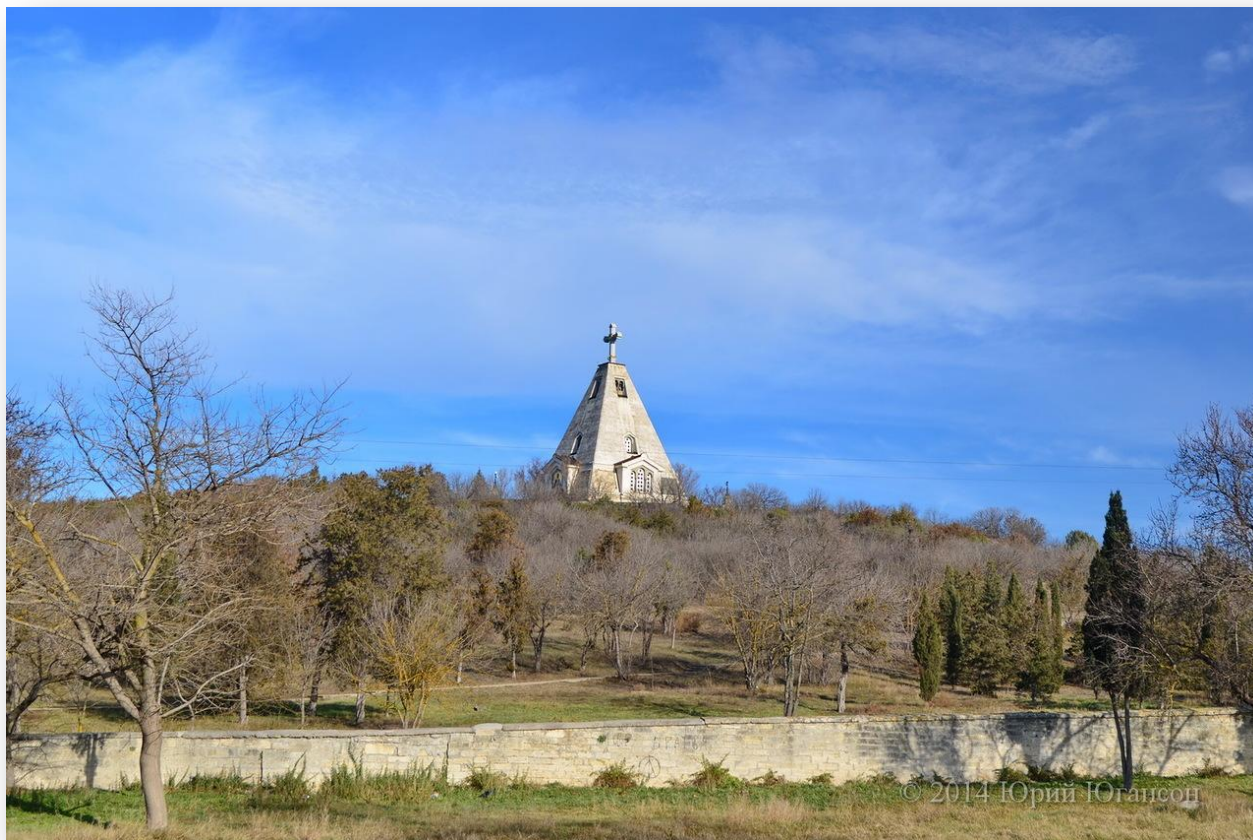

Наметился и ее музыкальный образ, навеянный старинными матросскими песнями.

— Но дальше эскиза дело у нас не пошло. Нам не хватало конкретности, не хватало такого драматического эпизода, который мог бы звучать обобщающе... Его подсказали жизнь — в боевых листках кораблей и частей Черноморского флота, отступившего к побережью Кавказа, не раз писалось о том, как некоторые матросы, горестно прощаясь с Севастополем, брали с собой кто горсть священной крымской земли, кто камень, давая клятву, что положат свои «талисманы» на место, когда вышвырнут врага из Севастополя — и рассказ Леонида Соловьева «Севастопольский камень», опубликованный в газете «Красный флот» летом 1943 года, в котором художественно обобщенный образ матроса, защитника Севастополя, обрел особенную, впечатляющую силу. Рассказ послужил эмоциональным толчком для создания песни.

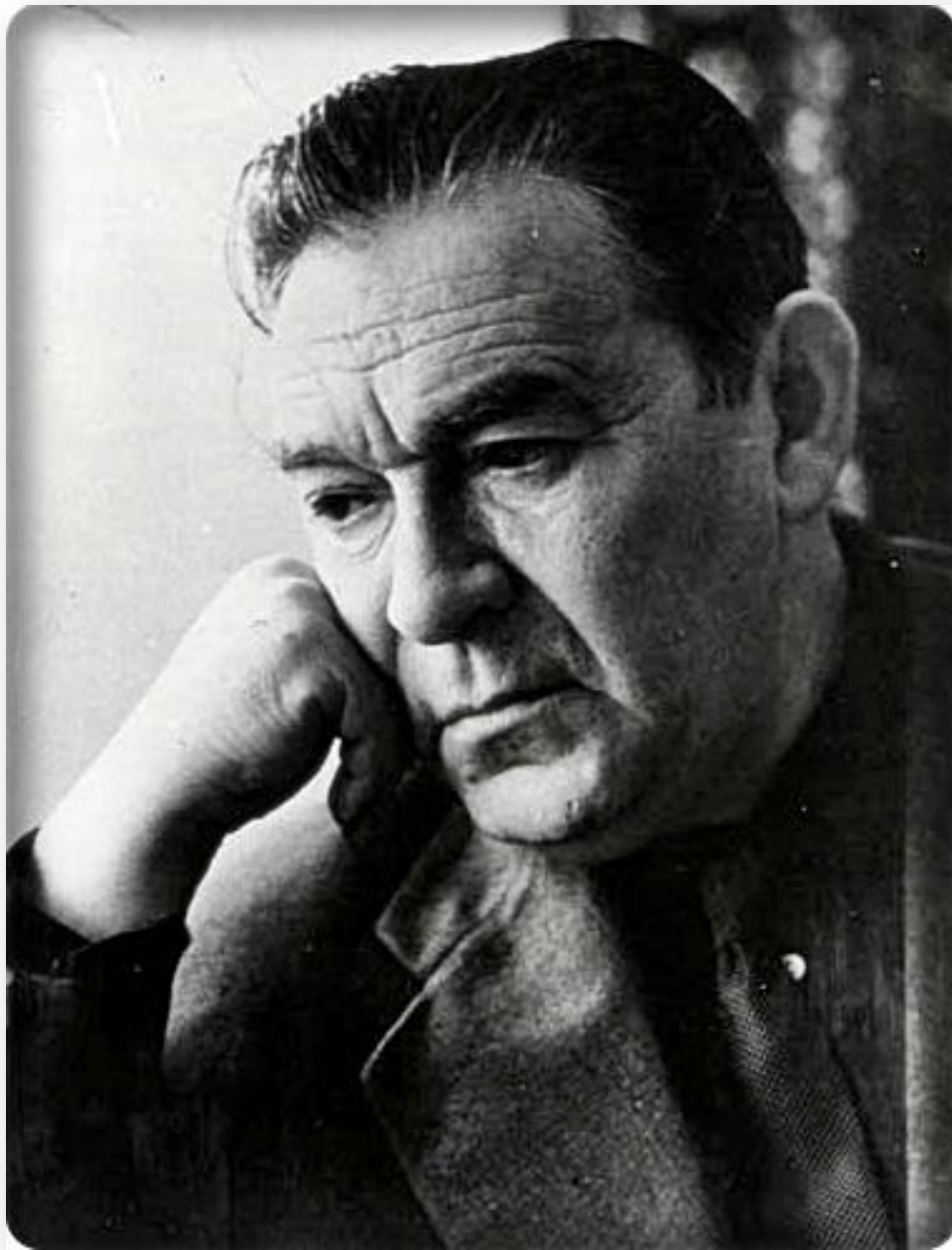

Борис Мокроусов прочитал его, возвратившись в Москву из очередной фронтовой командировки. «Севастопольский камень» вернул творческое воображение композитора в Севастополь сорок первого, к его героическим защитникам, заставил пережить вместе с ними горечь трагического расставания с городом русской славы, понять, почувствовать, что осколок севавтопольского гранита, как «пепел Клааса, что стучит в сердце» стал символом ненависти к врагу и веры в Победу.

Первоначальные наброски песни стали материалом для баллады, сохранившей трехдольный, вальсовый, размер, мелодические обороты, похожие на всплески волны, проникновенность лирической интонации. Но драматизм, аскетичность, даже суровость композиторского высказывания сделали ее мужественной, трагически сильной.

— Музыка вела, вдохновляла меня,— говорил Александр Алексеевич.— Песня была написана буквально в течение нескольких дней.

Опубликовали «Заветный камень» в газете «Красная звезда», песня прозвучала по радио, но первого настоящего своего исполнителя она нашла в лице Леонида Осиповича Утесова, Певец вспоминал, что когда он впервые услышал «Заветный камень», то был взволнован до глубины души, потому что песня говорила о великом мужестве наших моряков, об их беспредельной любви к родной земле и ненависти к врагу, потому что она словно предсказывала победу.

— В тогдашнем варианте о победном возвращении в Севастополь говорилось в будущем времени. И вот в мае 1944 года я снова прилетел в Севастополь — продолжал свой рассказ А. Жаров.— Застал последний бой на Херсонесском мысу. Радовался, встретив освободителей Севастополя, среди которых были солдаты и матросы, певшие «Заветный камень», нашу с Мокроусовым песню. «С этой песней, товарищ поэт, мы и дальше, на Запад пойдем. Только просим маленькое изменение сделать. Матрос уже „взошел на утес"»,— говорили мне бойцы, перед которыми доводилось выступать. И я внес в текст песни поправки. Мечта о победе в Севастополе стала в песне, как и в жизни, свершившейся...

Письма к поэту от оставшихся в живых героических защитников Севастополя приходили из Сибири и с Камчатки, с Украины и Волги... И каждый, написавший письмо, утверждал, что именно он и есть тот самый матрос, который выведен в «Заветном камне». И поэт отвечал: «Да. Вы — тот самый. Именно Вас и многих других, таких же, как Вы — героев-севастопольцев — я имел в виду, когда писал:

*Взошел на утес
черноморский матрос,
Кто Родине новую славу
принес.*

*И в мирной дали
Идут корабли Под солнцем
родимой земли».*

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.
И грозный, соленый, бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.
В туманной дали
Не видно земли,
Ушли далеко корабли.
Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела волна штормовая.
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес...
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.
Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет!
Тот камень заветный и ночью, и днем
Матросское сердце сжигает огнем.
Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,
Он русской кровью омыт».
Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно.
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принес,
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

1943 год

СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ!

